

Список иллюстраций

1.1. Генерал-майор Майкл Т. Харрисон, командир японского I-корпуса армии США, и ребенок, потерявший дом в результате землетрясения, 15 апреля 2011 года.

2.1. «Будь настоящим мужчиной», плакат проекта «Фукко но Нороси», 2014 год.

2.2. «Наконец-то дома, где можно наслаждаться простыми радостями приготовления еды для всей семьи», плакат проекта «Фукко но Нороси», 2014 год.

5.1. Танцовщицы хула, спа-курорт «Хавайянз».

Благодарности

Изначально идея этой книги возникла в 2013 году, когда я проводила на Окинаве исследование о гендере и милитаризации в период ее оккупации Соединенными Штатами (1945–1972). Изучая способы мобилизации женщин и домашнего хозяйства в процессе милитаризации Окинавы во время холодной войны, после Великого восточнояпонского землетрясения 11 марта я не могла не заметить проявления аналогичной динамики в отношении гендера, дома и военных в Японии, неустанный призыв которой к восстановлению и укреплению страны сложным образом видоизменился в этой ее части, бывшей когда-то колонией. Тема преемственности и реконфигурации милитаризации времен холодной войны по ее завершении преследовала меня по возвращении на Гавайи, еще одно обремененное наследием милитаризма и колониализма островное сообщество, ставшее для Японии отдаленным полигоном для воплощения стратегий собственной устойчивости страны. Последовавшие затем поездки в Тохоку (префектуры Фукусима и Мияги), будучи весьма короткими, все же открыли мне еще один угол зрения, с которого можно поразмыслить о природе, масштабах и последствиях развития и трансформации культуры, наблюдаемых в стране после 11 марта. Движение Японии к устойчивости, происходящее в пространстве, очерченном соединяющим Окинаву, Тохоку и Гавайи треугольником, перестает быть просто государственной и внутренней задачей и приобретает вид транснационального проекта исключительного масштаба и динамизма, требующего многоуровневого анализа в контексте гендера, культуры и стихийных бедствий. Результатом подобных изысканий и стала эта книга — попытка

критически осмыслить предпосылки и перспективы стратегии повышения устойчивости, автоматически подразумеваемое предназначение которой обеспечивать безопасность и защиту дает неверное представление о принципах милитаризма, неолиберализма и неоконсерватизма, лежащих в основе формирующегося режима. В момент выпуска книги, в марте 2020 года, мир охватила пандемия COVID-19, вызвавшая призрак глобального кризиса и беспрецедентного масштаба мобилизацию, направленную на сохранение устойчивости. На фоне страха и тревоги, вызванных вспышкой заболевания, мы сталкиваемся с еще более острой необходимостью подходить к политике антикризисного управления с критически обоснованных позиций.

В ходе моего исследования я много общалась с различными коллегами и друзьями из Соединенных Штатов, Японии и других стран, что внесло свой вклад в мою работу. Карл Иан Чэн Чуа и Том Лэ были необычайно щедры, делаясь своими исследовательскими идеями и помогая мне посмотреть на вооруженные силы и милитаризацию Японии под другим углом. Мои пришедшиеся на период, когда я занималась вопросами гендера и стихийных бедствий, беседы с Эйитиро Адзумой, Мариико Иидзимой, Гвином Кирком, Дерекком Хирдом, Сино Кураиси, Коити Накано, Венди Мацумурой, Цзэ Май Лоо, Мартином Дазинберре, Дзюнок Хабу, Катей Валаскиви и покойным Ромитом Дасгуптой оказались бесценны. Они навели меня на новые мысли и задали исследованию новые направления. На начальном этапе моего проекта Мотодзи Мацуда, Кадзуко Мацуи и Итиро Кавасаки вносили свои предложения по его реализации и всячески поддерживали меня; и то, и другое оказалось очень важным на следующих этапах исследования. Ян Бардсли, чьим великодушием я неизменно восхищаюсь и на чью мудрость всегда полагаюсь, в любой ситуации оказывается замечательным коллегой и другом, на которого можно опереться. Редакторы Виктория Скотт и Гвин Кирк терпеливо и тщательно работали с моей рукописью, значительно улучшив мой слог.

Этот проект опирался на библиотечные и архивные ресурсы Соединенных Штатов и Японии. Библиотека Восточной Азии

Стэндфордского университета в Пало-Альто, коллекция материалов Университета Кобэ о землетрясении, которое случилось в 1995 в этом городе и Библиотека стихийных бедствий (Босай Сэнмон Тосёкан) в Токио содержат огромное количество информации о гендере, культуре и стихийных бедствиях в Японии; и я многим обязана сотрудникам каждой из этих библиотек за помощь в поиске необходимых документов. В 2016 и 2017 годах Летний институт Японского фонда предоставил мне возможность принять участие в серии проходивших с участием ученых из Соединенных Штатов, Японии и Юго-Восточной Азии дискуссий по вопросам устойчивости к стихийным бедствиям, а также посетить пострадавшие от стихийных бедствий районы Тохоку, чтобы воочию убедиться в сложном характере восстановления на низовом уровне. Благодаря напряженной работе сотрудников фонда (среди которых Масако Ямамото, Хидэки Нисимацу, Томонори Хаясэ, Кристи Бар Широкава, Сьюхэй Ёсимуру, Ая Миядзаки, Пурвоко Ади Нугрохо и Токуми Накамити), мероприятия, организованные Летним институтом, оказались крайне информативны. Финансирование, предоставленное Ассоциацией азиатских исследований при Совете Северо-Восточной Азии, Азиатской библиотекой Стэндфордского университета и Центром японских исследований и женских исследований при Гавайском университете, позволило мне совершить многочисленные исследовательские поездки в Японию и Северную Америку. Различные части проекта были представлены в 2014 году на Беркширской конференции по истории женщин, в 2015 году на симпозиуме «Безопасность в японской массовой культуре после Фукусимы» в Лейденском университете и в 2016 году на конференции «Конструирование мужественности в Азии», прошедшей в Центре азиатско-тихоокеанских исследований при Университете Сан-Франциско. У коллег-докладчиков и участников этих мероприятий я научилась многому.

Публикацией этой книги я больше всего обязана Кристоферу Гертейсу, редактору выпускаемой Школой востоковедения и африканистики при Лондонском университете серии исследований о Японии в Новое и Новейшее время. Редактор издательства

«Блумсбери» Родри Моффорд и ассистент редактора Лора Ривз с исключительным профессионализмом следили за подготовкой книги к печати. Первые версии второй и третьей глав были опубликованы под названиями «Повторная маскулинизация страны: гендер, стихийные бедствия и политика национальной устойчивости в Японии после 11 марта» («Japan Forum», т. 31, № 2, 2019) и «Подготовка женщин к стихийным бедствиям: гендер, антикризисное управление (Кики Канри) и национализм в Японии после 11 марта» («The Asia-Pacific Journal», т. 11, выпуск 26, № 1, 2013). Я благодарна Кристоферу Гертейсу и Марку Селдену (соответственно), разрешившим мне перепечатать эти главы.

В остальной части книги японские имена, за исключением тех, которые принадлежат авторам, публикующимся на английском языке, представлены в общепринятом для Японии виде, когда фамилия ставится в начале и за ней следует имя. Все источники переведены автором, если не указано иное.

1

Введение

Переосмысление японской культуры после 11 марта

Великое восточнояпонское землетрясение 2011 года возвестило новую эру культурного производства в Японии. Землетрясение магнитудой 9,0 балла, произошедшее у тихоокеанского побережья страны 11 марта, вызвало цунами и аварию на атомном объекте, унесшие множество жизней, нанесяшие значительный ущерб инфраструктуре и разрушившие Тохоку, регион, расположенный на северо-востоке Японии¹. 11 марта — так стали называть эту катастрофу — вызвало бурные дискуссии о безопасности. Традиционные способы подготовки к стихийным бедствиям перестали считаться действенными и были включены в новые наборы мер по сдерживанию рисков, таких как антикризисное управление (*кики канри*) и национальная устойчивость (*кокудо кёдзинка*). Дебаты о том, как защитить свою семью, соседей

¹ Агентство по восстановлению (Фуккотё), административное подразделение, созданное после катастрофы 2011 года, предоставляет следующую статистическую информацию о масштабах ущерба, причиненного событиями 11 марта: число погибших составляет 15 897 человек, пропавших без вести — 2532, а раненых — 6157. Более 470 000 человек были эвакуированы, и по состоянию на 31 января 2020 года 48 000 все еще не могут вернуться домой. Число полностью разрушенных зданий составило 15 897, наполовину разрушенных — 282 900, частично разрушенных — 730 114 [Reconstruction Agency 2020].

и страну от природных и техногенных катастроф, множились, мобилизуя различных социальных акторов, открывая новые институциональные пространства и порождая бесчисленное количество дискуссий и практик. Призыв к подготовке и подготовленности был направлен не только на взрослых мужчин и женщин, но и на детей, чье выживание стало связано с выживанием Японии. Фраза «*Гамбаро, Ниппон*» («Держись, Япония») распространилась подобно лесному пожару, призывая всех без исключения японцев предпринять действия, направленные на строительство и перестройку устойчивой нации в условиях всеместного страха, неопределенности и нестабильности.

В книге исследуется формирующаяся в Японии культура безопасности. На основе результатов гендерных исследований, исследований стихийных бедствий и открытий японистики и культурологии в ней также рассматривается возникшее после стихийного бедствия 11 марта общенациональное стремление к восстановлению, перестройке и устойчивости, в котором в процессе создания образа новой Японии неоднократно упоминаются представления о гендере и расе, теле и разуме, защите и безопасности, нации и империи. В отличие от предшествовавших этой книге исследований, в которых анализируется вызванная катастрофой мобилизация социального протеста, в ней самой рассмотрен другой тип имеющей место мобилизации — движение, направленное на повышение устойчивости, в рамках которого женщины и мужчины, девочки и мальчики, японцы и не-японцы призваны возрождать и укреплять страну. На основе анализа различных официальных заявлений о безопасности, опубликованных в правительственных программных документах, научных публикаций, справочников по гражданским вопросам, школьных учебников и массовой литературы, а также тренингов по обеспечению подготовленности к чрезвычайным ситуациям дома, в школе и на рабочем месте, стратегия повышения устойчивости рассмотрена как динамичное пространство культурного производства и воспроизводства, рассмотрение которого позволяет взглянуть на современное японское общество. При этом в книге выдвигается ряд взаимосвязанных суждений.

Культура и история противодействия бедствиям

Большое значение в этой книге придается присущей катастрофам побудительной силе, действующей как на глобальном, так и на культурном уровнях. Как утверждает антрополог культуры Энтони Оливер-Смит, катастрофа никогда не бывает естественным или нейтральным событием, которое просто «случается». Скорее, это «множество переплетенных между собой, часто противоречивых социальных конструкций», эффект от которых «по-разному проявляется и распространяется в обществе в зависимости от политических, социальных и экономических практик и институтов» [Oliver-Smith 2002: 24]. Вслед за катастрофическими событиями отдельные граждане и институты начинают участвовать во множестве мероприятий, нацеленных на поиск новых смыслов. Так они «пытаются примириться, понять, что с ними произошло, и разработать стратегии для получения определенной степени контроля» [Oliver-Smith 2002: 38]. В этой связи вызванные катастрофами культурные и дискурсивные тенденции, очевидно, оказываются предметом для исследования.

Для понимания связи между культурой и бедствиями полезно обратиться к примерам из прошлого. Пожалуй, самой известной катастрофой в истории современной Японии, произошедшей до трагедии 11 марта, является Великое землетрясение Канто 1923 года. Оно не только разрушило Токио и его окрестности, но и, как отмечает Чарльз Шенкинг, породило «культуру катастроф», в рамках которой начал циркулировать ряд обсуждений и практик, призванных (пере)осмыслить роль Японии и ее народа [Schencking 2008]. Политики, чиновники, ученые и общественные критики, «увидевшие уникальную возможность представить землетрясение 1923 года как величайшее национальное бедствие Японии», использовали катастрофу «не только для продвижения проекта по восстановлению Токио как современной столицы империи, но и для реализации гораздо более масштабной и сложной программы по трансформации страны» [Schencking 2013: 5–6]. Поскольку в рассуждениях

о «каре небесной» причина катастрофы виделась в духовном вырождении и моральной распущенности, политики, представлявшие землетрясение 1923 года как неизбежное наказание, ниспосланное свыше, выдвинули на первое место вопрос изменения мотиваций и поведения людей. Одного физического восстановления зданий было недостаточно; необходимым оказалось также нравственное переустройство общества. Как отмечает Джанет Борланд, новая система моральных устоев была ориентирована главным образом на японскую молодежь. Министерство образования направило в разрушенный город членов организации бойскаутов Японии, поручив им собрать «бидан», нравоучительные истории о японцах, чьи действия во время и после катастрофы могли бы послужить примером проявления главных ценностей нации. После этого более чем 100 бидан, содержащих в себе поучительные истории о «верности императору, сыновней почтительности, великодушии, личной жертве, мужестве и послушании», были опубликованы в трех томах [Borland 2006: 894]. Катастрофа 1923 года стала «побудительной силой в японской культуре», породившей впоследствии различные движения, способствующие духовно-нравственному возрождению всей нации [Weisenfeld 2012: 13].

Продуктивная сила бедствий прослеживается также в истории США. Во время холодной войны Соединенные Штаты наблюдали возникновение собственного дисциплинарного режима, в рамках которого семьи и местные сообщества оказались центрами, определяющими нормы поведения перед лицом крупномасштабного национального кризиса — угрозы ядерного холокоста. Для снижения уровня вызванной ядерной угрозой тревоги и создания собственных идеальных стратегий правительство США продвигало в рамках программы гражданской обороны ряд таких дискурсов и практик, как «пригнись и укройся», «противорадиационные убежища» и «бабушкина кладовая» в качестве основных способов защиты в случае ядерной атаки [Roy 2010; Swedin 2011; Jacobs 2010]. Мобилизация гражданской обороны в США, как и возникшая после 1923 года в Японии «культура катастроф», стала поводом для установления дисциплины и норм,

целью которых было укрепление морального духа и нации, формирование этических принципов. Членство в гражданской обороне, считавшееся «моральным долгом каждого домохозяйства», было одной из «гражданских добродетелей, необходимых для поддержания американского образа жизни в ядерный век» [Oak 1994: 8]. Мероприятия по гражданской обороне времен холодной войны, систематически проводимые повсюду, были призваны «создать иллюзию, что национальные нарративы являются узнаваемыми и неоспоримыми реалиями», а также убедить американцев «за счет повторения», что выживание после ядерного взрыва не только возможно, но и сама его идея «естественна» и даже «здрава» [Nadel 1995: 8].

Продуктивная природа бедствий, которую можно было наблюдать в Японии до Второй мировой войны и Соединенных Штатах во время холодной войны, снова проявилась в Японии после трагедии 11 марта. Многоплановое бедствие 11 марта, будучи, с одной стороны, стихийным явлением (как в случае с землетрясением 1923 года), а с другой стороны, катастрофой, вызванной деятельностью человека (как в случае с ядерным кризисом времен холодной войны), активизировало культурное строительство. Проведя серию семинаров, на которых политики, ученые, чиновники и лидеры отрасли вели непрекращающиеся дискуссии о национальной устойчивости, Либерально-демократическая партия Японии (ЛДПЯ) под руководством опытного политика Тосихиро Никаи учредила в 2011 году Комиссию по комплексным исследованиям и созданию потенциала противодействия стихийным бедствиям. Премьер-министр Синдзо Абэ сделал вопрос национальной устойчивости главной темой своей политической повестки дня и призвал к укреплению структурному, предполагающему упрочнение домов и иных зданий, берегов рек и морских дамб, железных и автомобильных дорог, а также к укреплению неструктурному, сосредоточенному на распространении информации, учебной подготовке и учениях по эвакуации. Призыв к реализации крупномасштабных «общественных проектов» (*кокё дзигё*), повлекший за собой

массовое одобрение крупных предпринимателей, бывших в восторге от перспективы «извлечения выгоды из катастрофы»², вызвал «шумиху» в строительной отрасли.

Этот новый культурный динамизм, вызванный трагедией 11 марта, затронул не только японскую элиту, но также распространился среди широких масс. Сразу после катастрофы появились новые слова и выражения — «*сотеугай*» (за пределами предсказуемого), «*кидзуна*» (связь) и «*Гамбаро, Ниппон*» («Держись, Япония»), — отражавшие страх, тревогу и надежду, испытываемые обычными людьми [Sand 2012: 313–315]. Язык «*кокунан*», или национального кризиса, забытый почти на столетие, вновь вошел в оборот, подчеркивая серьезность ситуации и ее ужасные последствия для государства [Samuels 2013: x]. Помощь в случае стихийных бедствий должна быть как материальной, так и нематериальной, и ее отличительной чертой стала практика «*ёрисоу*» — психологической солидарности с чувствами жертв стихийных бедствий. При этом ведущую роль в распространении этой практики на низовом уровне играют Императорский двор и Силы самообороны Японии³. Газета «Санкэй симбун» выпустила сборник фоторепортажей «*Нихондзин но сокодзикара: Хигаси Нихон Дайсинсай итинэн но дзэн кироку*» («Японская сила стойкости: через год после Великого восточнояпонского землетрясения»), дополненных рассказами об испытаниях, с которыми столкнулись люди во время и после мартовской катастрофы. В сборнике было опубликовано более 800 фотографий, демонстрирующих то, как люди боролись, выживали и в конечном счете достигали триумфа. В нем также восхваляются действия Императорского двора и прославляется невероятная сила стой-

² О понятии «извлечение выгоды из катастрофы» см. [Gunewardena, Schuller 2008].

³ О центральной роли *ёрисоу* в деятельности Сил самообороны Японии по оказанию помощи во время стихийного бедствия и после него см. [Jieitai 2019]. О значении этой концепции в различных кампаниях, проводимых императором Акихито и императрицей Митико после 11 марта, например, см. [Asahi 2019]. Также см. [Sankei 2019].

кости («сокодзикара»), проявленная обычными людьми, находившимися во время обрушившегося на страну неслыханного бедствия непосредственно в районах, где оно произошло [Sankei 2012]. Вскоре после катастрофы на выставках, проходивших в крупных городах по всей Японии, начали экспонироваться различные средства экстренной помощи, ориентированные на мужчин, — противогазы, страховочные привязи, аварийно-спасательные машины, устройства для дезактивации, технические средства наблюдения, используемые для борьбы с терроризмом, а также бытовые товары, предназначенные для женщин, — консервы, портативные устройства для приготовления пищи и эвакуационные кресла на колесах. Выставки способствовали продвижению в эпоху нестабильности идеи заботы о себе и ответственности за себя. Крупнейший издатель учебников «Гаккэн кёйку сьуппан», более известный как «Гаккэн», выпустил в свет десяти томник «Хигаси Нихон Дайсинсай: цутаэнакэрэба наранай 100 но моногатари» («Великое восточнояпонское землетрясение: 100 историй, которые важно рассказать») с примерами бидан XXI века, в которых постоянно демонстрировалось достойное подражание поведению японского народа, особенно японских солдат, во время и после катастрофы 2011 года [Gakken 2013a]⁴. Начиная с 2011 года на фоне растущей популярности Сил самообороны Японии и вооруженных сил США милитаризация детства стала отличительной чертой Японии (рис. 1.1 является тому подтверждением). После катастрофы 11 марта было опубликовано так много посвященной этой трагедии детской литературы, что итогом этой деятельности стал аннотированный список, в котором было перечислено более 300 работ на данную тему [Inoue 2011]. Несомненно, трагедия 11 марта спровоцировала в пережившей катастрофу стране культурно-дискурсивные перемены.

Сходство между землетрясением 1923 года, ядерным кризисом времен холодной войны и катастрофой 11 марта отнюдь не слу-

⁴ Аргументацию в доказательство того, что 11 марта представляет собой для японской литературы и искусства переломный момент, см. в [Kilpatrick 2015].

Рис. 1.1. Генерал-майор Майкл Т. Харрисон, командир японского I-корпуса армии США, и ребенок, потерявший дом в результате землетрясения, 15 апреля 2011 года

чайно. Несмотря на то что эти события произошли в разное время и разных местах, в действительности они составляют часть транснациональной генеалогии «гражданской обороны» — гендерно-дифференцированной и дифференцирующей системы защиты государства, в создании которой, как будет показано ниже, на протяжении почти столетия участвовало множество стран. По мнению Шелдона Гарона, важное место в этой генеалогии занимает Русско-японская война (1904–1905). После неожиданной победы в этой войне Японии американцы и европейцы заинтересовались ее «несомненным успехом в вопросе военной гигиены, воинского духа и мобилизации тыла». Они начали изучать ее опыт мобилизации с целью повышения собственной обороноспособности в случае войны [Garon 2017б: 69]. В этой формирующейся базе знаний и технологий предметом обмена стал даже идеал *бусидо* («путь воина»), как это видно на примере

его адаптации Робертом Баден-Пауэллом, увидевшим ценность этого японского кредо для собственной организации бойскаутов в Великобритании [Garon 2017b: 77–78].

Ужасы Первой мировой войны (1914–1918) усилили трансграничный обмен оборонительными стратегиями. Первые воздушные бомбардировки, как это было в случае с немецкими налетами на Лондон и другие европейские города, совершенно ясно показали, что теперь качество обороны страны определялось уровнем защиты гражданского населения и его домов [Garon 2016: 2]. Лидеры Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Италии, Германии, Советского Союза, Польши и Японии изучали, анализировали и перенимали тактику друг друга, в результате чего «внутренние фронты были сознательно организованы как часть транснациональных потоков идей и институтов» [Garon 2017a: 30]. По окончании Первой мировой войны роль гражданской обороны в Японии стала еще более очевидной после землетрясения 1923 года, а вместе с ее ростом возросла и роль женщины в доме. Женская добровольная работа была признана необходимой в процессе восстановления разрушенного, что убедило государство в важности участия женщин в управлении кризисными ситуациями. Когда началась Вторая мировая война, как страны антигитлеровской коалиции, так и страны Оси продолжали использовать общие понятия гражданской обороны, внедряя на своих территориях такие практики, как семейные убежища, противопожарные учения, соседские добровольческие отряды и эвакуация школ.

Как отмечают Трейси Дэвис, Лора Макинани и Эндрю Гроссман, накопленные в ходе двух крупных войн технологии гражданской обороны и знания о ней стали основой организации внутреннего фронта в Соединенных Штатах, Великобритании и Канаде в период холодной войны [Davis 2007: 20]. В готовившихся к новой войне Соединенных Штатах недавно созданное Федеральное управление гражданской обороны перенимало дискурсы и практики, существовавшие до 1945 года. Женщины и дома, играя заметную роль в развернувшейся в 1950-х и 1960-х годах новой антикоммунистической кампании, вновь заняли

центральное место в вопросе защиты страны [McEneaney 2000: 23–24; Homeland 2006; Grossman 2001]. Так, технологии гражданской обороны и знания о ней, обновленные и пересмотренные во время холодной войны в Соединенных Штатах, в конечном счете (вновь) распространились в Японии после событий 11 марта. Эксперты Федерального агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях, под руководство которого перешло Федеральное управление гражданской обороны, поделившись после катастрофы 11 марта своими знаниями и опытом с Японией, положили начало новой эре ее сотрудничества с Америкой. В связи с этим продолжающееся распространение в Японии культуры устойчивости следует рассматривать как часть большего, разнонаправленного круговорота методов защиты и курсов об обороне, охватывающего значительные временные, культурные и географические пространства.

Смена гендера в стратегии повышения устойчивости

Далее в качестве основного средства культурного производства после трагедии 11 марта в книге исследуется гендер⁵. Примеры из прошлого оказываются, как всегда, поучительны, поскольку они демонстрируют центральную роль женщины и домашнего хозяйства в восстановлении и реконструкции после стихийных бедствий, а также в вопросе устойчивости страны. Великое землетрясение Канто 1923 года не только привело к духовной мобилизации, но и породило на местах широкомасштабное женское движение. Всего через месяц после землетрясения 12 общественных деятельниц встретились для того, чтобы обсудить роль женщин в Токио после катастрофы. Среди них была известная женщина-реформатор Мотоко Хани. Ее декларация «Давайте действовать без промедления» (*«Рикуцу наси ни дзикко кара хадзимэмасё»*) [Orii 2017: 30] оказалась основанием для со-

⁵ Об участии японских женщин в социальной мобилизации, сосредоточенной на использовании ядерной энергии в 1970-х годах, см. [Wöhr 2014: 230–254].

здания Токийской федерации женских организаций («*Токё Рэнго Фудзинкай*») — широкой коалиции общественных деятельниц, женских групп и организаций. В списке федерации значились самые известные общественные деятельницы того времени, в том числе Мотоко Хани, Сигэри Канэко, Яёи Ёсиока, Отими Кубусиро, Цунэко Гаунтлетт, Мити Каваи, Мумэо Оку, Кикиуэ Ямакава⁶, и такие организации, как Христианская молодежная женская ассоциация Японии, Японский женский христианский союз за воздержание («*Нихон Кирисутокё Фудзин Кёфукай*»), Женская патриотическая ассоциация («*Айкоку Фудзинкай*»), Токийский женский колледж и *Дзию Гакуэн* (христианская школа, основанная Мотоко Хани) [Orii 2017: 116–167].

Федерация продемонстрировала роль женщин в качестве агентов социальной помощи после стихийных бедствий. Как только ситуация в стране немного стабилизировалась, члены федерации, разделившись на группы, начали выдавать молоко матерям с младенцами [Orii 2017: 96–102]. Раздавая предметы одежды и постельные принадлежности, они заботились о повседневных нуждах перемещенных лиц, а также предоставляли экономические возможности женщинам, изготавливающим все эти вещи за определенную плату [Orii 2017: 103–107]. Продвигая среди женщин занятия спортом (*тайику*), федерация также отвела им главную роль в работе по восстановлению и укреплению страны, связав вопрос женского тела с вопросами государственной политики [Orii 2017: 31]. Применяя недавно возникшую технологию переписи населения⁷, члены федерации посетили

⁶ Годы жизни и смерти этих общественных деятельниц следующие: Мотоко Хани (1873–1957); Сигэри Канэко (1899–1974); Яёи Ёсиока (1871–1957); Отими Кубусиро (1882–1972); Цунэко Гаунтлетт (1873–1953); Мити Каваи (1877–1953); Мумэо Оку (1895–1997); Кикиуэ Ямакава (1890–1980).

⁷ Первая всеобщая перепись населения была проведена в 1920 году, положив начало новой эре современного государственного строительства в Японии. Мэри Бирд, писательница-феминистка и реформатор, посетившая Токио со своим мужем Чарльзом Бирдом по приглашению Симпэйя Гото, помогала федерации и давала советы о том, как правильно применить эту новую управленческую технологию после стихийного бедствия в Токио [Orii 2017: 116].

убежища для пострадавших от землетрясения с тем, чтобы собрать информацию о составе домохозяйств, доходах, повседневных нуждах, занятости и состоянии здоровья перемещенного населения [Ogii 2017: 108–121]. Благодаря такой разносторонней деятельности значимость и гражданская добродетель женщин стали неоспоримыми — козырь, который федерация впоследствии безуспешно разыгрывала, требуя предоставить женщинам избирательные права и отменить легализованную проституцию.

Участие федерации в мероприятиях по оказанию социальной помощи после стихийных бедствий лучше всего рассматривать в рамках «движения за улучшение жизни» («*сэйкацу кайдзэн ундо*») — общенационального движения, положившего начало тесному сотрудничеству между государством и гражданским обществом. Это движение, игравшее до 1945 года заметную роль в японской социальной инженерии, способствовало на низовом уровне моральному убеждению, модернизации страны, экономической рационализации и в конечном счете мобилизации во время Второй мировой войны [Garon 1994: 115–146]. Токийская федерация женских организаций, (ошибочно) полагая, что сотрудничество женщин с государством предоставит им платформу, с которой они смогут требовать расширения своих прав, все активнее принимала участие в строительстве нации и империи в Японии в 1930-х и в 1940-х годах. В результате в 1942 году она была преобразована в *Дай Тоа Сэйкацу Кёкай* (Ассоциация жизни Великой Восточной Азии) — женскую организацию воюющего государства, экспансионистские устремления которой мгновенно сошли на нет в 1945 году⁸.

Мэри Бирд вновь посетила Японию после Второй мировой войны и при содействии генерала Дугласа Макартура сыграла важную роль в послевоенной реформе, направленной на расширение прав женщин. См. [Koikari 2008: 75–120].

⁸ Соучастие общественных деятельниц и их организаций в довоенной Японии и в военное время, указывая на сложную динамику, в которой стремление женщин быть включенными в политическую жизнь страны способствовало их участию в доминирующих механизмах власти, хорошо задокументировано. В дополнение к работе Гарона, приведенной в предыдущем примечании, напимер, см. [Yoshimi 1977; Suzuki 1988].

Американские исследователи гендера утверждают, что в период холодной войны в Соединенных Штатах гендер, феминизм, домашнее хозяйство и нация развивались сходным образом. В этот период известные американки, в первую очередь Кэтрин Говард, поощряли участие женщин в деятельности гражданской обороны с целью расширения их прав. В первые годы после войны, когда бывшая символом военного времени Клепальщица Роза уступила место послевоенному символу домашнего очага Джун Кливер (матери из популярного телесериала «Предоставьте это Биверу»), известные женщины, многие из которых были ветеранами женского движения первой волны, сочли холодную войну подходящим моментом. Отстаивая свое первенство как матерей и жен, чья экспертиза в вопросах домашнего хозяйства была неоспорима, они пытались создать пространство для женщин в послевоенном политическом устройстве Соединенных Штатов, где во всех других областях доминировали мужчины [McEaney 2000: 88–122]. Запасая в своих кладовках продовольствие на случай чрезвычайных ситуаций, подготавливая аптечки для оказания первой помощи и следя за физическим и психологическим состоянием членов своей семьи, женщины периода холодной войны стали основной действующей силой в вопросе гражданской обороны [Scheibach 2009: 60, 62, 159; May 2008: 89–108]. Как утверждает Макинани, гражданская оборона времен холодной войны, ставшая ярким примером милитаризации повседневной жизни, продемонстрировала необычную, но в то же время важную связь между феминизмом, матернализмом, милитаризмом и экспансионизмом [McEaney 2000: 8].

После трагедии 11 марта в Японии значение женщин и дома становится все более существенным, демонстрируя знакомую связь между женственностью, домашним хозяйством и защитой. В транслируемой японской телерадиовещательной корпорацией «Эн-эйч-кэй» телепрограмме «Аса Ити» («Первым делом с утра»), целевой аудиторией которой являются домохозяйки, ведущий эксперт по управлению кризисными ситуациями Нобуэ Кунидзакэ подчеркнула важность «женского взгляда» при подготовке к стихийным бедствиям. Она также рекомендовала женщинам список вещей, которые должны иметься в их наборах для экс-

тренных случаев. Помимо этого, молодым матерям в программе рассказывали, как спастись с младенцами в случае бедствия: на экране девушка пошагово демонстрировала, как правильно надевать специальный рыбацкий жилет, как разложить по его карманам предметы первой необходимости и как нести одного ребенка перед собой, а другого на спине⁹. Женщины подчеркивают свою значимость в противодействии бедствиям, о чем свидетельствуют названия изданных после трагедии работ — «3.11 Оннатати га хаситта: дзёсэи кара хадзимару фукко э но мити» («Путь к восстановлению начинается с женщин: их действия после 11 марта») [Domesu 2012], «Оннатати га угоку: Хигаси Нихон Даисинсаи то дандзё кёдо санкаку ситэн но сизэн» («Женщины действуют: Великая восточнояпонская катастрофа и оказание помощи после нее с точки зрения гендерного участия») [Miyagi 2012], и «Фукко о торимодосу: хассин суру Тохоку но оннатати» («Верните реконструкцию: послания женщин из Тохоку») [Kumiko et al. 2013] — в которых показано, как, столкнувшись с невиданным кризисом, женщины начинают действовать. Кроме того, после событий 11 марта центральное место женщин в программах защиты хорошо прослеживается в брошюрах, изданных местными администрациями и центральным правительством, руководствах, опубликованных коммерческими изданиями, а также при проведении инструктажа и учений среди населения. Во всех этих текстах подчеркивается значение женщин как главных субъектов, ответственных за сохранность и безопасность домов. Важно отметить, что в процессе обсуждения женщин и стихийных бедствий после катастрофы 11 марта часто упоминается Великое землетрясение Канто 1923 года. В исследовании Токийской федерации женских организаций, проведенном коллективом историков-женщин и опубликованном феминистски ориентированным издательством «Домэсу сюппан», проводится прямая связь между землетрясением 1923 года и катастрофой 2011 года, федерация же представлена в нем образцом, на который

⁹ Программа «Аса Ити» от «Эн-эйч-кэй» транслировалась 13 июня 2012 года с 8:15 до 8:55 утра.

следует ориентироваться всем японским женщинам. Как следует из названия исследовательской работы «*Оннатати га татиа-гатта*» («Женщины воспрянули»), в ней отражен феминистский взгляд на призыв «Держись, Япония» и превозносится мобилизация женщин во время кризиса 1923 года [Orii 2017].

Очевидно, что после событий 11 марта женственность и домашнее хозяйство стали характерными особенностями жизни Японии. Тем не менее в этой книге внимание уделяется также представителям другого гендера, о котором часто забывают, — мужчинам и маскулинности. На самом деле, кризису, вызванному катастрофой 2011 года, предшествовали десятилетия национального упадка, определяющей чертой которого было беспокойство о мужественности. По мнению Энн Эллисон, самым подходящим описанием современной Японии будет «нестабильное» государство. Военно-экономический потенциал этой страны, некогда ведущей экономической державы, в последние десятилетия значительно снизился. В начале 1990-х годов с началом экономического спада этот факт стал очевиден, а после катастрофы 2011 года — неоспорим. Главную роль во взлете и падении страны играли японские мужчины. После краха Японской империи в конце Второй мировой войны, сменив форму имперских солдат на деловые костюмы экономических воинов, они пересмотрели свои обязательства перед страной. Выполняя роль кормильцев своих семей, верных слуг своих компаний и экономического двигателя страны, эти корпоративные воины — «служащие на окладе» — обеспечили Японии беспрецедентный экономический рост, стабильность и процветание, быстро ставшие предметом зависти всего мира. Тем не менее лопнувший в 1991 году экономический пузырь и начавшаяся после этого рецессия коренным образом изменили судьбу страны и японских мужчин. Создалось впечатление, что с ростом безработицы, ухудшением ситуации с неполной занятостью, бедностью, голодом, «затворничеством» (*хикикомори*), «смертью в одиночестве» (*кодokusи*), самоубийствами, а также с появлением большего числа бездомных японские мужчины утратили свое устойчивое положение. После мартовской трагедии их положение и статус стали еще более сомнительными [Allison 2013].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru